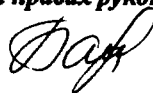

0- 800630

На правах рукописи

Байдавлетова Лилия Ринатовна

**КОНЦЕПТОСФЕРА «ПРАВО – ЗАКОН – ПРЕСТУПЛЕНИЕ –
НАКАЗАНИЕ – МИЛОСЕРДИЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

УФА 2013

Работа выполнена на кафедре русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Пятаева Наталия Вячеславовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Искандарова Гульнара Рифовна

кандидат филологических наук, доцент
Гершанова Анна Феликсовна

Ведущая организация: кафедра иностранных языков для естествен-
нонаучных факультетов Центра языковой
подготовки ФГБОУ ВПО «Северо-
Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова»

Защита состоится «21» мая 2013 года в 12 час. 00 мин. на заседа-
нии диссертационного совета Д 212.013.02 при Башкирском государ-
ственном университете по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди,
32, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения выше-
го профессионального образования «Башкирский государственный
университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Автореферат разослан «20» апреля 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.013.02
доктор филологических наук, профессор

В.Л. Ибрагимова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

832233

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Лингвокультурология сегодня является одной из активно развивающихся отраслей языкознания, вместе с тем, многие понятия этой области знания ещё недостаточно освещены в научной литературе и закономерно вызывают полемику на страницах лингвистических журналов и сборников статей, в материалах конференций и круглых столов. К таким спорным, регулярно обсуждаемым вопросам относится проблема терминологической квалификации и наполнения понятия *концептосфера* (Д.С. Лихачёв, Д.Р. Валеева, В.А. Ефремов, С.В. Иванова, Л.Ю. Касьянова, Л.А. Петрова, З.Д. Попова, О.М. Смирнова, И.А. Стернин, В.Н. Сурина, З.З. Чанышева и др.). Кроме этого, в современном отечественном языкознании в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, теории и практики межкультурной коммуникации уделяется большое внимание описанию отдельных концептов универсальной (концептуальной), национальных и индивидуально-авторских картин мира (Т.А. Агапкина, В.А. Долинский, Л.Г. Ефанова, О.К. Калькова, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Т.В. Кузьмина, И.Б. Левонтина, Е.Г. Логунова, М.Ю. Никитина, О.Г. Ревзина, Е.Н. Сергеева, Л.О. Чернейко, О.В. Шаталова, А.Д. Шмелёв, Е.С. Яковлева и др.). Однако число комплексных исследований, включающих анализ исчерпывающего состава лексикосемантических, фразеологических и контекстных единиц, представляющих тот или иной концепт, ещё не велико (Х.Г. Бухарова, А.Ф. Гершанова, И.В. Ерофеева, Н.А. Красавский и др.). Довольно редко являются объектом такого научного описания и близкие по значению//происхождению//функционированию концепты в их взаимосвязи и взаимовлиянии, а также группы (серии) концептов, составляющие концептосферу национальной картины мира в целом или представляющие её отдельные фрагменты (Д.А. Галиева, Н.М. Жанпеисова, В.И. Убийко, В.А. Шемарова и др.). Не проводилось сравнительных, равно как и сравнительно-исторических, исследований картин мира разных национальных языков по отношению к одной концептосфере, в том числе русской и классической латинской языковых картин мира по отношению к концептосфере «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие», сопоставительное изучение и описание которых на материале фразеологии является целью настоящей диссертации.

Универсальное энциклопедическое, научное, социально-истори-

ческое, национально обусловленное, психологическое и индивидуально-авторское содержание понятий *право, закон, справедливость, преступление, наказание, милосердие* исследуют представители разных наук: философы (И. Кучуради), культурологи (В.И. Андреева, А.С. Кармин, П.А. Сорокин), юристы (И.А. Александрова, Р.А. Бостанов, В.М. Геворгян, Ф.Б. Мутоков, Т.С. Масыч, И.Ф. Фархатова), лингвисты (Д.А. Галиева, Т.В. Топорова) и др. Однако лингвокультурологический и этнолингвистический аспекты концептосферы «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» раскрыты недостаточно: исследованию подвергались обычно отдельные области языкового представления данной концептосферы в каком-либо одном языке (С.Г. Воркачёв, Л.Г. Ефимова, И.Б. Левонтина, Е.Г. Логунова, М.Ю. Никитина, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелёв).

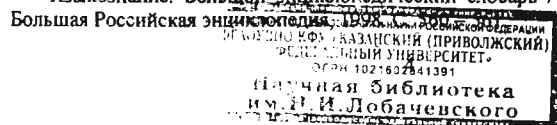
Актуальность данной работы обусловлена тем, что в качестве **объекта** комплексного лингвокультурологического и этнолингвистического анализа была выбрана высоко значимая в оценивании русским человеком современной юридической и правовой действительности концептосфера «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие», рассматриваемая в сравнении с классической латинской (древнеримской) языковой картиной мира *в стадии консервации*¹, «Римское право» которой является главным достижением европейской цивилизации и лежит в основе государственного строя большинства стран современного мира.

Предмет исследования – представляющие исследуемую концептосферу в русской языковой картине мира фразеологические единицы: фразеологические сочетания, пословицы, поговорки, крылатые выражения, речевые штампы (формулы) в соответствии с классическими представлениями о них² – в количестве 830 единиц, из которых 395 русских и 434 латинских.

Цель исследования – комплексное лингвокультурологическое описание одной из ключевых концептосфер русской языковой картины мира – концептосферы «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» на материале фразеологии с привлечением для контрастивного анализа латинских крылатых изречений, пословиц, по-

¹ Определённое Д.В. Дятко (к.ф.н., доцента, зав. кафедрой современного белорусского языкознания Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка), высказанное в устном обсуждении проблем диссертации.

² Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

поговорок и устойчивых выражений.

Достижение поставленной цели осуществляется решением следующих задач:

1) рассмотреть научно-терминологическое содержание основных понятий, используемых в работе, с точки зрения современной лингвокультурологии: *языковая картина мира* (далее – ЯКМ), *концепт*, *концептосфера языковой картины мира*;

2) выделить массив русской и латинской фразеологии, репрезентирующий концептосферу «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие», и классифицировать составляющие его фразеологические единицы в соответствии с идеографическим принципом;

3) систематизировать и оформить полученные материалы в виде контрастивного тематического словаря, представляющего исследуемую концептосферу в русской и латинской (древнеримской) языковых картинах мира;

4) на основе концептуального анализа исследовать и описать пары лингвокультурных (культурных) концептов «Право» – «Закон», «Правда» – «Справедливость», «Преступление» – «Наказание» в русской языковой картине мира в сравнении с составляющими этих концептов в латинской (древнеримской) языковой картине мира;

5) выявить особенности и описать уникальный концепт русской языковой картины мира «Милосердие».

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных учёных из области:

– *антропоцентрической лингвистики и лингвокультурологии* (А. Вежицкая, В.В. Воробьёв, В.В. Красных, Дж. Лакофф, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Ю.Е. Прохоров, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцева и др.);

– *исследования языковой картины мира* (Т.А. Агапкина, Н.Д. Арутюнова, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Н.Б. Мечковская, Е.В. Падучева, О.Г. Почепцов, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцева, Н.В. Черемисина, Е.С. Яковлева и др.);

– *описания концептов* (С.Г. Воркачëв, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, С.Х. Ляпин, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, Л.О. Чернейко и др.);

– *изучения фразеологии* (Ю.А. Гвоздарёв, В.П. Жуков, С.В. Максимов, А.И. Молотков, В.Н. Телия и др.).

С учётом специфики лингвокультурного исследования концептов, а также в соответствии с целью и задачами диссертационного сочинения были использованы следующие лингвистические методы:

– *концептуальный анализ* – совокупность приёмов и методов, необходимых для исследования концепта и репрезентации его содержания (А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.М. Фрумкина и др.);

– *метод сплошной выборки* фразеологических единиц из фразеологических, толковых, энциклопедических, культурологических и т.п. словарей в формировании массива русской и латинской фразеологии, связанной с исследуемой концептосферой;

– *компонентный анализ* в описании семантики фразеологических единиц, для выявления и характеристики коннотативных компонентов в структуре значений фразеологизмов и устойчивых оборотов, для описания дефиниций используемых в работе юридических терминов, представленных в «Словаре юридической, политологической и культурологической терминологии»);

– *этимологический анализ* ключевых слов концептов;

– *метод тематической классификации* фразеологии на основе выявления главного понятийного признака в структуре значения фразеологического оборота;

– *лингвокультурологический комментарий*, основанный на выявлении и квалификации культурных смыслов, транслируемых отдельными языковыми единицами, и включающий операции описания их этимологии, семантики, национально обусловленного содержания; сбора и описания иллюстративного материала;

– *контрастивный метод* в выявлении общих черт и отличительных особенностей структуры и репрезентации концептосферы «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» в латинской и русской языковых картинах мира;

– *метод статистического анализа* в оценивании наполняемости фразеологией тематических групп исследуемой концептосферы в русской и латинской языковых картинах мира.

Источниками фразеологического материала послужили словари различного типа, отражающие лексический и фразеологический состав русского и латинского языков:

– этимологические (М. Фасмера, А.К. Шапошникова);

– исторические («Старославянский словарь», словари русского языка XI – XIV, XI – XVII вв., «Словарь Императорской академии

наук», словарь В.И. Даля, словарь языка А.С. Пушкина, словари историзмов и архаизмов);

– толковые (под ред. Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Толковый словарь русского языка конца XX в.», латинско-русский словарь И.Х. Дворецкого и др.);

– фразеологические (под ред. А.И. Молоткова и А.Н. Тихонова),

– сборники русских пословиц и поговорок (В.И. Даля, В.П. Жукова, В.П. Аникина);

– сборники русских и латинских изречений, крылатых слов и выражений (С.В. Максимова, С.Б. Барсова, Ю.С. Цыбульник, В. Левинского и И. Смирнова);

– лингвокультурологические («Русское культурное пространство» под ред. И.С. Брилёва и др., «Словарь этнолингвистических понятий и терминов» М.И. Исаева, «Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке» В.И. Убийко);

– словари культуры («Константы: Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова, «Словарь культуры XX века» В.П. Руднева, «Словарь средневековой культуры» А.Я. Гуревича, «Словарь античности»).

Научную новизну работы определяют:

а) выбор в качестве объекта исследования концептосферы «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» в русской языковой картине мира, которая до настоящего времени не являлась объектом комплексного лингвокультурного изучения и описания;

б) контрастивный анализ тематических групп фразеологических единиц, репрезентирующих концептосферу «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» в русской и латинской языковых картинах мира;

в) разработка оригинального «Контрастивного тематического словаря русской и латинской фразеологии, репрезентирующей концептосферу «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие», который составлен в виде сравнительной таблицы, наглядно демонстрирующей наполняемость фразеологическими единицами каждой тематической группы в русской и латинской языковых картинах мира, представляющей тематические и концептуальные лакуны в структуре исследуемой концептосферы в русской и латинской языковых картинах мира и позволяющей проследить не только понятийное содержание устойчивых сочетаний, но также их коннотативные характеристики;

г) построение сравнительных компьютерных схем, иллюстрирующих структурные особенности концептосферы «Право – Закон –

Преступление – Наказание – Милосердие» в русской и латинской языковых картинах мира, а также сходства и различия в соотношении, положении, наличии/отсутствии и т.п. концептов внутри исследуемой концептосферы в разных языковых картинах мира.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концепты «Право», «Закон», «Справедливость», «Преступление», «Наказание», «Милосердие» представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные лингвокультурные единицы в составе концептосферы «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» русской языковой картины мира.

2. Отношение к закону в России двойственное (чаще отрицательное), т.к. закон в представлении русского народа является зависимым от законодателей, судей, правителя и других факторов, определяющих особенности российского дознания и судопроизводства (взяточничество, обман, крючкотворство, бюрократизм и т.п.), поэтому в русской языковой картине мира выделяются концепты «Царь и судья как вершители закона» и «Божий суд», противопоставленные в соответствии с принципами *неправедный – праведный, несправедливый – справедливый*.

3. В русской языковой картине мира концепт «Право» формируется на основе представления русского (российского) человека о том, что за право нужно бороться, права нужно отстаивать, право на что-либо необходимо доказывать.

4. В менталитете русского человека юридическому закону противостоит *правда* – внутренняя справедливость. В русской языковой картине мира понятие *справедливость* не входит в число юридических терминов и вообще не является необходимым принципом государственного управления и законодательства. *Справедливость* и *законность* – для русского народа – противоположные категории. В силу этого в составе исследуемой концептосферы необходимо выделить самостоятельных противопоставленных концептов «Правда» и «Справедливость».

5. Концепты «Преступление» и «Наказание», тесно связанные между собой, в русском языковом сознании представлены единым целым: наказание является следствием преступления, однако русский народ не верит в исправление преступника наказанием и сомневается в справедливости наказания вообще, что определяет специфичность этих концептов в русской языковой картине мира.

6. Концепт «Милосердие» является уникальным концептом русской языковой картины мира, о чём свидетельствуют данные контрастивного анализа русской и латинской концептосфер «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие», позволившие выявить в латинской языковой картине мира концептуальную лакуну «Милосердие».

Теоретическая значимость диссертации определяется разработкой и применением авторской методики выделения, исследования и описания концептосферы «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» как фрагмента русской языковой картины мира.

Практическая значимость работы заключается в отборе массива русской и латинской фразеологии, наиболее полно отражающей содержание концептосферы «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» и представленной в виде уникального контрастивного тематического словаря, принципы построения которого могут быть использованы в сопоставительных исследованиях языковых картин мира, в лексикографической практике при составлении словарей-концептуариев, а также в практике преподавания вузовских курсов лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, лексикологии и фразеологии русского и латинского языков.

Апробация работы. Отдельные положения и результаты диссертации обсуждались на заседаниях аспирантского семинара Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, были представлены в докладах на Межвузовских, Республиканских и Международных научных и научно-практических конференциях. По материалам исследования опубликованы статьи в сборниках научных трудов «Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе» (Воронеж, 2008), «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики» (Владикавказ, 2009) и научных журналах «Lingua mobilis» (Челябинск, 2009), «Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова» (Владикавказ, 2012), «Вестник Череповецкого государственного университета» (Череповец, 2012), среди которых два издания, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов научных исследований.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, двух глав, Заключение, списка литературы и словарей и пяти приложений: «Контрастивный тематический словарь русской и латинской фразеологии, представляющей концептосферу «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие», дополнения (эн-

циклопедического и контекстного характера) к контрастивному словарю, «Словарь юридической, политологической и культурологической терминологии», рисунки и схемы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы исследования, его актуальность и научная новизна, отмечается его теоретическая и практическая значимость; определяются объект и предмет научного изыскания; формулируются цель и задачи работы; характеризуются источники, материал диссертации и используемые методы; приводятся сведения об апробации результатов исследования; излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава *«Проблемы изучения и описания концептосферы языковой картины мира в современной лингвистике»* посвящена описанию основных теоретических и методологических положений современной лингвистики в изучении структуры и составляющих национальной языковой картины мира через рассмотрение ключевых понятий: *картина мира, языковая картина мира, национальная картина мира, концепт и концептосфера*.

Понятие *картина мира* в современной науке трактуется двояко: 1) как совокупность объективных знаний об окружающей действительности, состоящая из жизненно важных для человека понятий (концептов); 2) как картина мира, отображённая в сознании человека с помощью специальных (языковых) знаков, несущих информацию об объективной действительности, её составляют семантические поля слов-концептов, образующих тезаурус как языка в целом, так и тезаурус отдельной языковой личности.

ЯКМ – часть когнитивной картины мира, которая имеет привязку к языку и преломляется через языковые формы. В нашей работе под *языковой картиной мира*, вслед за Е.С. Яковлевой, понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности, мировидение через призму языка.

Национальная языковая картина мира (НЯКМ) – картина мира определённого народа, нации, которая включает в себя общую для всех народов, находящихся на одной ступени развития цивилизации, концептуальную картину мира и в то же время обладает специфическими чертами, обусловленными географическими, климатическими, социально-историческими, психологическими, ментальными и куль-

турными особенностями жизни того или иного этноса.

Основной единицей изучения и описания НЯКМ является концепт. По определению С.Г. Воркачёва, **концепт** – это единица коллективного знания//сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Концепт актуализируется в слове, словосочетании, устойчивом выражении через его содержательные формы (образ, понятие, символ) и входит в систему национальной ментальности.

Культурный концепт, будучи важнейшей категорией лингвокультурологии, представляет собой неоднородное образование: с одной стороны, выделяются более конкретные и более абстрактные концепты, вплоть до мировоззренческих универсалий; с другой – в любой ЯКМ концепты не существуют сами по себе, по отдельности, они взаимообусловлены и взаимосвязаны между собой. Совокупность концептов, объединённых на основании того или иного признака, обладающего национально-культурной спецификой, совокупностью потенциалов, заключённых в словарном запасе языка в целом или отдельного его носителя рассматривается учёными (Д.С. Лихачёвым, Ю.С. Степановым, А.Д. Шмелёвым и др.) как **концептосфера национального языка**. Концептосфера национального языка – это в сущности концептосфера национальной культуры.

В современной лингвистике широко практикуется сопоставление различных национальных концептосфер, что позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений сознанием разных народов, выявить, в терминологии З.Д. Поповой и И.А. Стернина, **безэквивалентные концепты** и **концептуальные лакуны** (отсутствие концептов и их языковой выраженности).

Безэквивалентные концепты – уникальные концепты национальных концептосфер, характерные только для одной культуры.

Вторая глава **«Концептосфера «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» в русской языковой картине мира (на материале фразеологии)»** состоит из шести разделов и представляет описание особенностей обозначенных концептов в русском и латинском языках.

В результате анализа языкового материала был составлен «Контрастивный тематический словарь русской и латинской фразеологии, представляющей концептосферу «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие». Весь массив фразеологических единиц

распределён в нём на 10 тематических групп: «Сила закона», «Справедливость закона», «Справедливость права», «Сила права», «Преступление – наказание», «Винный // Невинный», «Свидетель, адвокат, истец», «Суд, судья», «Царь, правитель», «Народ – законодатель», которые являются основой для выявления особенностей исследуемой концептосферы в русской ЯКМ.

1. Право и закон в истории Античности, Европы и России

В результате изучения истории становления современной европейской законодательно-правовой системы было выявлено следующее:

1) Российская система права принадлежит к Романо-германской правовой семье и примыкает к системам континентально-европейского типа, что обусловило необходимость контрастивного исследования обозначенной концептосферы в русской и латинской ЯКМ с целью выявления и объяснения особенности каждой из них;

2) латинская ЯКМ в стадии её консервации служит образцом (моделью) для сравнения с русской ЯКМ в силу того, что сложившееся в VIII – VI вв. до н.э. Римское право, основанное на приоритете частной собственности и личных прав граждан, является главным достижением цивилизации Древнего Рима и лежит в основе государственного строя всех современных Западных цивилизаций.

2. Концепты «Право» и «Закон» в русской ЯКМ

Семантика ключевого слова концепта «Закон» в русской духовной культуре лучше всего определена в словаре В.И. Даля: «Закон – предел, поставленный свободе воли или действий: неминуемое начало, основание, правило, постановление высшей власти». Ю.С. Степанов считает, что ядерная семантика концепта «Закон» отчётливо проступает в этимологии русского слова: *закон* < *за-конь* < *конь* ‘начало’ и ‘конец’, первоначально, ‘кол, столб’ (как веха земельного участка или коновязи) < и.-е. *kon-/*kep- ‘возникать, начинаться; начинать, класть начало чему-л.’. От этого же корня происходит и славянский глагол *četi ‘начать’, отражённый в русском приставочном глаголе *на-чать*. Таким образом, *кон* – это граница между «началом» и «концом», а *за-кон*, *закон* – это ‘предел’.

Слово *право*, с точки зрения происхождения, относится к корневому гнезду с вершиной *правый* ‘истинный’ наряду с такими его компонентами, как *право*, *правда*, *правило*, *правильный*, *праведный*, *справедливый*, что позволяет определить его глубинную семантику как ‘то, что истинно, правильно, справедливо’.

В латинском языке *право* – *jus, juris*, отсюда *justis* ‘справедли-

вый' и *justitia* 'справедливость, правосудие', т.е. *справедливость* в Древнеримской ЯКМ восходит к *праву* (и по значению, и по внутренней форме), обозначая наличие в социальном мире правового начала, и выражает его правильность, императивность и необходимость. Лат. *justitia*, прочно вошедшее во многие языки, переводится на русский то как 'справедливость', то как 'правосудие'.

Фразеология, связанная с пониманием необходимости наличия в обществе закона и права, относится к тематическим группам «Сила закона», «Справедливость закона», «Справедливость права», «Сила права», в которых представлено 156 единиц латинской фразеологии и 57 – русской с преобладанием единиц с отрицательной коннотацией (41 из 57). Это объясняется тем, что отношение к закону в России двойственное: *Закон что дышло: куда повернёшь, туда и вышло*.

Такую двойственность можно объяснить тем, что в России на протяжении более чем тысячелетней истории не было сильных правовых традиций, более того, правитель (царь или генсек) всегда стоял над законом, а законы служили лишь инструментом правления.

Однако это не единственная причина двойственного отношения русского народа к закону. Во многих русских пословицах и поговорках прослеживается мысль о том, что сами законы не виноваты, а справедливыми или несправедливыми их делают служители закона – законодатели, судьи, юристы: *Законы святы, да законники супостаты; Кто законы пишет, тот их и ломает; Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы; То-то и закон, как судья знаком; Всеу законы писать, когда их не исполнять*.

В обоих языках в этой тематической группе среди фразеологии с положительной коннотацией основной является идея о том, что закон – это сила, над которой никто и ничто не может стоять: *закон силен, властен, строг, суров, обязателен, краток, однозначен; он приказывает, запрещает, разрешает, наказывает* и т.п.: *Недалго той земле стоять, где учнут уставы ломать; Закон назад (задним числом) не пишется; Строгий закон виноватых творит (или: великую вину творит); Dura lex, sed lex 'закон суров, но это закон'; Ibi pote valeri populus, ubi leges valent 'народ силен там, где сильны законы' (Публий Сир); Nulla potentia supra leges debet esse 'не должно быть никакой силы над законами'; Lex omnes mortals alligant 'закон обязателен для всех смертных'; Nemo jus sibi dicere potest 'никто не может устанавливать законы для себя самого'.*

В то же время среди русской и латинской фразеологии достаточно

часто встречаются фразеологические единицы, выражающие мысль о том, что нужда, необходимость или какая-либо непреодолимая сила закону не подчиняется (*не знает закона*): *Нужда закона не знает, а через шагает*; *Дураку закон не писан*; *Necessitas caret lege* 'необходимость закона не знает'; *Necessitas non est legem* 'нужда не знает закона'; *Mors nescit legem, tollit cum paupere regem* 'смерть не знает закона, забирает и царя, и бедного'. Следует отметить, что русские фразеологизмы о нужде являются заимствованными из латинского языка.

Отношение русского и римского народов к праву существенно отличается: в количественном отношении русской фразеологии (23) о праве меньше латинской (68) в три раза, но она равномерно распределена по коннотативным характеристикам в ЯКМ обоих народов. Так, в тематической группе «Справедливость права» 10 единиц русской фразеологии и 48 латинской. Среди русской фразеологии 5 единиц с положительной и 5 с отрицательной коннотацией. Среди латинской 26 единиц с положительной и 22 с отрицательной коннотацией. Из количественной характеристики следует, что и в русской, и в латинской картинах мира отношение к справедливости и силе права одинаково: справедливость и право признаются необходимыми, но не всегда достижимыми. В группе «Сила права» 13 единиц русской фразеологии и 20 – латинской равномерно распределены по коннотативным оценкам: среди русской фразеологии 6 единиц с положительной коннотацией и 7 – с отрицательной; среди латинской, соответственно, 11 и 9.

В указанных группах в среде русской фразеологии основной является идея о том, что право – это то, за что нужно бороться: свои права нужно отстаивать, своё право на что-либо – доказывать: *Дело право: только гляди прямо! Хоть гол, да прав; Дело правое, да в кармане свербит; Правое дело, а в кармане засвербело*.

В латинской фразеологии право – это защита, сила, то, что справедливо, хорошо, разумно; оно установлено ради людей, дано каждому и его не нужно добиваться, отстаивать, доказывать: *Ubi jus, ibi remedium* 'где право, там и защита'; *Jus est ars boni et aequi* 'право – наука о том, что хорошо и справедливо' (Цель); *Omne jus hominum causa constitutum est* 'всякое право установлено ради людей'; *Qui jure suo utitur, nemini facit injuriam* 'кто пользуется своим правом, тот не нарушает ничьего права'.

Из приведённого анализа следует, что отношение римлян к закону и праву намного серьезнее, они сами были более законопослушны, а справедливость закона не зависела ни от правителя, ни от служителей закона.

3. Бог, царь и судья как вершители закона в русском языковом сознании

В этом разделе рассматриваются тематические группы «Божий суд, закон. Божья правда», «Царь, правитель», «Суд, судья» и объясняется отношение русского народа к закону через представления о роли Бога, царя и судьи.

На протяжении всей российской истории в народе бытовало недоверие к органам правопорядка. *Язва лихоимства* в судебном ведомстве разрасталась до таких размеров, что правосудие люди называли *кривосудием*. Из-за недоверия к служителям закона русскому народу оставалось уповать только на Божий суд. Так, в составе тематической группы «Суд, судья» нами была выделена подгруппа «Божий суд, закон. Божья правда», в силу этого большинство фразеологизмов здесь с положительной коннотацией.

Словосочетание *Божий суд* имеет два значения: 1) 'возмездие от Бога за совершённый грех, преступление'; 2) (ист.) 'поединок или испытание огнём, водой и т.п. как способ разрешения спора в Древней Руси'. По наблюдениям Ю.А. Гвоздарёва, этот обычай существовал во всей Европе, в том числе и у славян. В Европе был запрещён уже в XI – XII вв., на Руси же существовал до середины XIX в. Данный факт, возможно, объясняет то, что в тематической подгруппе «Божий суд, закон. Божья правда» в 5 раз больше русской фразеологии (20), чем латинской (4), например: *На суде Божьем право пойдёт направо, а криво налево; Неправого Бог попутает* (или: *покарает*); *Бог вам (тебе, ему и т.д.) судья*; *Мир никем не судится, одним Богом*; *Reperit Deus nocentem* 'Бог находит виновного'; *Jure divino, jure humano* 'по Божеским законам, по человеческим законам'; *Jus divinum* 'Божеское право'.

Во многих русских пословицах наравне с Богом выступает и царь: *Суди меня Бог да государь!; Бог помилует, царь – пожалует!; Карать да миловать – Богу да царю*. Перечисленные сочетания мы отнесли в тематическую группу «Царь, правитель», так как упоминание о Боге здесь введено намеренно, чтобы подчеркнуть величие и значимость царя в жизни русского народа, в сознании которого Бог и царь часто сближались и воплощали собой представление об их суде как о суде Высшем, справедливым, о *Высшей правде*. Это связано с тем, что в России вплоть до XIX в. не было сильных правовых традиций – правитель (*царь*) или глава государства (*генсек*) всегда стояли над законом, который служил инструментом правления.

Мнение о том, что судьбами народа вершит не закон, а правитель,

стоящий во главе государства, является не единственной особенностью русской правовой культуры. Во многих русских пословицах и поговорках прослеживается мысль о том, что сами законы не виноваты, а справедливыми или несправедливыми их делают служители закона – законодатели, судьи, юристы: *Законы святы, да законники супостаты*. Так, почти половина (144 единицы) всей русской фразеологии, репрезентирующей исследуемую концептосферу, относится к тематической группе «Суд, судья». О недоверии русского народа к служителям закона свидетельствует и то, что количество фразеологизмов с отрицательной коннотацией (98) почти в четыре раза больше фразеологизмов с положительной (26). В составе этой тематической группы мы выделили пять подгрупп:

1) «Судья – несправедливый» (15 единиц): *Не бойся суда, бойся судьи; Законы святы, да законники (или: судьи) супостаты*;

2) «Судья – мздоимец» (33): *Пред Бога с правдой, а пред судью с деньгами; Судьям то и полезно, что в карман полезно*;

3) «Подьячий без души, подьячий – пройдоха» (11): *У подьячего светлая пуговка души вместо; Подьячий – породы собак*;

4) «Суд – неправда» (26): *Где суд, там и неправда; В суд пойдёшь – правды не найдёшь*;

5) «Суд – взятка» (13): *Пошёл в суд в кафтане, а вышел нагишом; В суд ногой – в карман рукой; Тяжбу завёл – стал гол, как сокол*.

Сравнение русской фразеологии с латинской позволяет отметить как количественные, так и качественные различия: во-первых, латинской фразеологии в составе этой тематической группы в пять раз меньше, чем в русской: 24 единицы против 126, во-вторых, большая часть (17 из 24) латинской фразеологии имеет положительную окраску, в то время как среди русской фразеологии количество единиц с отрицательной коннотацией почти в четыре раза больше, чем с положительной: 98 к 26, например: *Jura novit curia* ‘законы знает суд’; *Boni judicis est litis dirimere* ‘хороший судья доводит дело до конца’; *Judex damnatur, cum nocens absolvitur* ‘оправдан виновный – преступлен судья’ (Публилий Сир); *Vulgus pessimus rerum interpres* ‘толпа – наихудший судья’. Количественная разница подчёркивает остроту проблемы судопроизводства в русской правовой культуре. Качественная разница говорит о том, что для латинского народа *Judex est lex loquens* – судья есть говорящий закон, *Res judicata pro veritate habetur* – судебное решение должно приниматься за истину, для русского –

Судья – что плотник: что захочет, то и вырубит, Порожними руками с судьей не сговоришь.

4. Концепты «Правда» и «Справедливость» в русской ЯКМ

По мнению Ю.С. Степанова, в любой европейской культуре понятие *закон/законность* противопоставит *беззаконие*, но в русском менталитете *закону* противопоставлено не скверное *беззаконие*, а обширная «область добра, совести и справедливости, хотя и не «регламентированная». Это и есть особенное русское противопоставление. Оно многослойно, мозаично. Закону формальному, юридическому противопоставит *правда* – внутренняя *справедливость*, ощущаемая и знаемая в душе, *совесть*»³.

Справедливость исторически связана с *правдой*, с тем правовым смыслом, который оформляется с прописной буквы («Русская Правда», «Салическая Правда», «Правда Ярославлева»). Практически во всех лексикографических источниках *правда* толкуется через *справедливость*, *справедливость* же выступает семантическим множителем при толковании *правды* лишь спорадически и лишь в словарной статье *справедливый* ‘беспристрастно следующий правде’. В этом случае вполне оправдано принять за имя концепта двандву «Правда-справедливость», которая становится в один ряд с «Правдой-истиной» и «Правдой-искренностью». Кроме того, описание представлений о *справедливости* требует исследования и её противочлена – *несправедливости*, который является ведущим в паре концептов «Справедливость» – «Несправедливость».

Некоторые составляющие концепта «Справедливость» анализируются в других разделах, например, *справедливость/несправедливость суда* и *судьи*, *справедливость/несправедливость Божьего суда* и *царского суда* и др., более того, «Контрастивный тематический словарь русской и латинской фразеологии, представляющей концептосферу «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие», во всех тематических группах указывает на отношение к справедливости/несправедливости в картине мира того или иного народа распределением репрезентирующих её фразеологизмов на группы с положительной и отрицательной коннотацией в семантике. Так, тематические группы «Правда» и «Справедливость» представлены в количест-

³ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. С. 578.

ве 310 единиц русской и 276 единиц латинской фразеологии. Примечательным является то, что среди русской фразеологии единиц с положительной коннотацией (110) почти в два раза меньше, чем с отрицательной (200), например: с положительной коннотацией: *Закон назад не пишется*; *Праведный судья одесную Спасителя стоит*; *Суд не на осуд, а на рассуд*; *Правда суда не боится*; с отрицательной коннотацией: *Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы*; *Как себя не поведёшь, от напасты не уйдёшь*; *Дело правое, да в кармане свербит*.

В латинской КМ обратная ситуация: единиц с положительной коннотацией в два раза больше (187), чем с отрицательной (89), например: с положительной коннотацией: *Ibi pote valeri populus, ubi leges valent* ‘народ силен там, где сильны законы’ (Публилий Сир); *Nemo punitur pro alieno delicto* ‘никого не наказывают за чужое преступление’; с отрицательной коннотацией: *Impune abiit* ‘остался безнаказанным’; *Causa indicta* ‘без суда и следствия’; *Aliis si licet, tibi non licet* ‘если другим дозволено, то тебе – нет’.

В тематической группе «Справедливость закона» показательной является количественная и качественная разница в составе и семантике русской и латинской фразеологии: во-первых, русской фразеологии здесь (15 единиц) в 2 раза меньше латинской (30); во-вторых, из 15 единиц русской фразеологии только одна отмечена положительной коннотацией (*Нам добро, никому зло – то законное житьё*), в группе латинской фразеологии количество фразеологизмов с положительной коннотацией (25) в пять раз больше фразеологизмов с отрицательной (5), например: с положительной коннотацией: *Aequitas enim lucet per se* ‘справедливость светит сама по себе’ (Цицерон); *Quod verum est, id merum est* ‘что справедливо, то истинно’; *De majori et minori non variant jura* ‘нет отдельных законов для большого и для малого’; с отрицательной коннотацией: *Что вора с рук сходит, за то ворюшек бьют*; *Вершено уставом, да верчено неправо*; *Алтынного вора вешают, полтинного чествуют*; *Pauper ubique jacet* ‘бедный повержен везде’ (Овидий); *Dat veniam corvis, vexat censura columbas* ‘карающая власть шадит воронов, но обрушивается на голубей’ (Ювенал); *Sacrilegia minuta puniuntur, magna in triumphis feruntur* ‘мелкие преступления карают, а крупные прославляют’ (Сенека).

Отмеченное большое количество русской фразеологии с отрицательной коннотацией вновь подчёркивает негативное отношение к закону в русской правовой культуре, свидетельствует о том, что русский народ не верит в справедливость суда. Здесь *справедливость*

вообще не является частью юридического закона, и даже само слово *справедливость* не употребляется в текстах русских пословиц и поговорок ни самостоятельно, ни в сочетании со словом *закон*: *Где закон (или законник), там и обида; Чья сильнее (или смелее), та и правее; Мир не судим, а мирян бьют; Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет*.

В латинской фразеологии, напротив, справедливость приравнивается к правосудию – слово *справедливость* употребляется как юридический термин самостоятельно и в сочетании со словом *закон*: *Aequum et bonum est lex legum* ‘справедливость и благо – закон законов’; *Les justa libertati, aequalitati et fraternitati praesidio est* ‘справедливый закон – оплот свободы, равенства и братства’.

5. Специфика концептов «Преступление» и «Наказание» в русском языковом сознании

Концепты «Преступление» и «Наказание» тесно связаны между собой, и в русском языковом сознании часто представлены единым целым. Преступность является антропологическим феноменом, преступление – особый искусственный – надприродный (культурный) феномен. Преступление и наказание – это вечная культурная тема. Необходимость осуществить возмездие за совершённое преступление обусловила появление уголовного наказания. Внутренняя форма ключевого слова концепта *преступление* ‘действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности’ обусловлена семантикой производящего префиксального гл. *пре-ступать* < цслав. с XI в. *прѣ-стѹ-пити* < *стѹпити* < праслав. **stopiti* < сущ. **stopъ*, *stopa* – регулярного именного производного с переогласовкой корня, образованного от несохранившегося гл. **stepati*, восходящего к и.-е. корню **stemp-/*stop-* ‘топтать, ступать, ставить подошву ноги, наступить’. Интересно др.-греч. соответствие στεῖφω ‘тспчу, жестоко обращаюсь’.

Внутренняя форма сущ. *наказание* связана с семантикой ‘сделать видимым, обозначить’, ‘обозначая, указать, поучать’ и ‘быть наказанным’: в русском языке XVI – XVII вв. известно *наказание* ‘поучение, наставление, наказ; наука, знание, учение, обучение; кара, порицание’ < праслав. **nakazanjь* производного имени действия с суф. -*njь* от префиксального гл. **nakazati* < **kazati* ‘показывать, делать знак’.

Довольно большое количество единиц (126) русской и латинской фразеологии, представляющих концепт «Преступление – Наказание», распределилось по тематическим группам «Преступление – Наказа-

ние» (54) и «Виновный/Невинный» (72). В указанных группах в обоих языках основной является идея обязательного воздаяния за совершённое преступление: *Кто возьмёт без спросу, тот будет без носу; Кто таскает с блюд, того и бьют; Кто возьмёт без нас, тот будет без глаз; Ubi culpa est, ibi poena subesse debet* 'где есть вина, там должна быть и кара'; *Nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum crimen sine poena legali* 'нет преступления без наказания, нет наказания без закона, нет преступления без законного наказания'.

Красной нитью через рассматриваемые тематические группы проходит мысль о соразмерности наказания совершённому преступлению: *Год торгуи, два воруй, а три в яме сиди; По делам вору и мука; От дел твоих сужу тя; В чём поймался (или: прилучился), в том и судится; Culpaе poena par est* 'пусть наказание соответствует преступлению'; *Crescente militia crescere debet et poena* 'с ростом преступления должно возрастать и наказание'; *Quot delicta, tot poenae* 'сколько преступлений, столько и наказаний'.

Примечательным для анализируемых тематических групп русской и латинской фразеологии является то, что в латинской фразеологии выделяется исправительная (воспитательная) функция наказания, в то время как в русской фразеологии о ней не упоминается: *Unum castigabis, centum emendabis* 'одного накажешь – сотню исправишь'; *Neco prudens punit, quia peccatum est, sed ne peccetur* 'всякий разумный человек наказывает не потому, что был совершён проступок, но для того, чтобы он не совершался впредь' (Сенека). По нашему мнению, это связано с тем, что древние римляне верили в исправление людей наказанием, а правовое сознание русских людей не видело положительного воздействия наказания на личность преступника.

Особое место в структуре концепта «Преступление – Наказание» в русской ЯКМ занимает фразеология, так или иначе связанная с обобщённым или переносным обозначением действий или ситуаций наказания или применения пыток: *Терпи, голова – благо в кости скована; Не сказал подлинной – заставляю сказать подноготную* (о правде); *Искать правды в ногах* (ставить на правёж); *На деле прав, а на дыбе* (т.е. на пытке) *виноват*. Пытка на Руси оставила заметный след в истории русского правосудия. Она также значительно повлияла на отношение русского народа к закону, судьям и на формирование русской правовой культуры. «Благодаря» институту пытки появились частотные в современном употреблении фразеологизмы (ранее употреблявшиеся с отрицательной коннотацией): *подноготная правда, подлинная правда, в но-*

гах правды нет и др. (см. раздел «Отражение истории института пытки как орудия дознания и суда в русской фразеологии»).

Итак, исследование русских пословиц и поговорок, связанных с концептом «Преступление – Наказание», показало, что имена концептов – слова *преступление* и *наказание* – в них не употребляются (в латинской фразеологии отмечено употребление сущ. *scelus* ‘преступление’ и роена ‘наказание’ и близких им по значению синонимов): понятия *преступление*, *преступник* обозначаются онимами *вор*, *воровать*, *таскать с блюд*, *взять без нас*, *злое ремесло*, *вина*, *виновный*, *украсть*, *накрошить*, *заварить кашу* и др.; понятие *наказание* обозначается синонимами *мука*, *кара*, *суд*, *правёж*, *сидеть в яме*, *быть битым*, *быть без носу (глаз)*, *неволя*, *занести на рель*, *выхлёбывать*, *расслёбывать* и др. Кроме того, смысл преступления и наказания русские пословицы и поговорки могут передавать образным языком, не используя слов, даже близких по своей семантике к словам *преступление* и *наказание*: *Придорожная пыль небо не коптит*; *Не ела душа чесноку, так и не воняет*; *Кто накрошил, тот и выхлебай*. Представляется, что такое замещение связано с жанровыми особенностями пословиц и поговорок как своеобразной «поэтической» части устной народной речи, стремящейся ритмично, рифмованно, красиво, точно и кратко, а порой иносказательно, выразить и донести до людей главную мысль. Частотность употребления слов *вор*, *воровать*, *таскать*, *брать – взять*, *украсть* в заместительной функции с очевидностью свидетельствует о распространённости такого вида преступления, как воровство.

6. «Милосердие» как уникальный концепт русской языковой картины мира

Сравнительное исследование русской и латинской фразеологии, имеющей отношение к концептосфере «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие», показало, что русский народ иначе, чем другие народы, относится к греху и преступлению, сомневается в справедливости наказания и часто называет осуждённых по закону (сидящих в острогах, сосланных на поселение или на каторгу) *несчастными*, ощущающими себя отчуждённым от власти, враждебными государству. Для них в тюрьмы люди несли еду и одежду, а для беглых в Сибири на ночь за окно выставлялось продовольствие. Когда торжествует закон, когда появляется наказанный преступник, отмечает Ю.С. Степанов, «к концепту «Закон» присоединяется в русском сознании не ощущение торжества справедливости, а ощущение несчастья наказанного. «Осуждённый = несчастный» – вот краткая

формулировка этого понятия»⁴. Таким образом, *милосердие*, в отличие от представления о Высшей правде – Божеском суде, отдалённом и высоком, проявляется в данный момент, здесь и сейчас, и заключается в сочувствии преступнику, в понимании мотивов его поступка, что и определяет внутреннюю форму ключевого слова концепта: сущ. *милосердие* ‘доброта, сострадание’ < *милосръдик* заимствовано русским языком из старославянского языка и является словообразовательной калькой латинского *miser cordia* ‘милосердие, сожаление, сострадание, участие, жалость’ < *miseror* ‘выражать сочувствие, оплакивать, испытывать сострадание, сожалеть, жалеть’ и *cor, cordis* ‘сердце, душа, дух; чувство, настроение; рассудок, благоразумие’.

Самостоятельной тематической группы для фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «Милосердие», вследствие их многочисленности (12 единиц), нами не выделено, но следует отметить, что почти все они сконцентрированы в таких группах, как «Божий суд, закон. Божья правда» (3) и «Царь, правитель» (7), например: *Бог милостив, а царь жалостлив; Бог помилует, царь – пожалует!; Виноватого Бог простит, а правого царь пожалует; Нет большего милосердия как в сердце царёвом; Болезному (или несчастному, т.е. наказанному преступнику) милость творить – с Господом Богом говорить*.

Высшим образом, идеалом милосердия, в представлении русского народа, является Бог, что подтверждает представление о милосердии как истинно христианской ценности. Царь же выступает одновременно с Богом в качестве его наместника на земле. В то же время образ царя возвеличивается через сравнение с Богом.

В латинской фразеологии нами не выявлено практически ни одной единицы, семантически связанной с понятием *милосердие*, несмотря на наличие в классической латыни слова *miser cordia*. На наш взгляд, это доказывает то, что милосердие и благотворительность, как проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему, были совершенно чужды классической древности (древним грекам и римлянам). Таким образом, сравнение русской и латинской концептосфер «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» выявило в латинской языковой картине мира концептуальную лакуну «Милосердие» и доказало уникальность концепта «Милосердие» в русской языковой картине мира.

⁴ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. С. 578.

В Заключении подведены итоги исследования.

Основные положения и результаты диссертационного сочинения отражены в следующих публикациях автора, общий объём которых составляет 2,62 п.л.

Публикации в изданиях, включённых в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК для публикации материалов диссертаций

1. Основные образы правовой картины мира русского народа // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2012. № 2. С. 281 – 285. (0,4 п. л.)
2. Концепт «Милосердие» в русской языковой картине мира // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец, 2012. № 4 (43). Т. 2. С. 82 – 85. (0,4 п. л.)

Статьи и материалы конференций

1. Концепты «Право» и «Закон» в русской и латинской языковых картинах мира (на примере фразеологии) // Молодёжь. Прогресс. Наука: Сб. материалов Межвузовской науч.-практ. конф. молодых учёных / Отв. ред. А.Л. Галиев. Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия, 2006. С. 43-44. (0,05 п.л.)
2. Концепты «Право» и «Закон» в русской и латинской фразеологии (лингвокультурологический аспект) // Русская филология и её место в современной культуре: Материалы Республиканской научной конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 140 – 143. (0,16 п. л.)
3. Бог и царь как вершители закона в русском языковом сознании // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: Сборник научных трудов. Выпуск 4 / Под ред. докт. филол. наук, проф. О.В. Загоровской. Воронеж: Научная книга, 2008. С. 14 – 23. (0,36 п. л.)
4. Судья, царь и бог как вершители закона в русской и латинской языковых картинах мира // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. XI / Под ред. докт. филол. наук Т.Ю. Тамерьян; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. С. 290 – 296. (0,46 п. л.)
5. Реализация представлений русского народа о законе и праве через образы судьи, царя и бога // Lingua mobilis. № 3 (17). 2009. С. 115 – 130. (0,6 п. л.)
6. Этимология, философское, лингвокультурологическое и лингвистическое содержание концептов «Право» и «Закон» // Актуальные проблемы анализа единиц языка и речи: Сборник материалов Междунар. науч. конф., г. Стерлитамак, 16 – 17 февраля 2010 г. / Отв. ред. Е.И. Беглова. Стерлитамак: Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биишевой, 2010. С. 81 – 85. (0,19 п. л.)

Байдавлетова Лилия Ринатовна

**КОНЦЕПТОСФЕРА «ПРАВО – ЗАКОН – ПРЕСТУПЛЕНИЕ –
НАКАЗАНИЕ – МИЛОСЕРДИЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Подписано в печать 17.04.2013 г.
Гарнитура «Таймс». Бумага ксероксная. Формат 60×80_{1/16}.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 1,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 244/13.

Отпечатано в типографии Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета:
453103, Стерлитамак, пр. Ленина, 49